

**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА САВЕЛЬЕВА**

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF NIKOLAI ALEKSANDROVICH SAVELIEV

30 марта 2026 г. исполнилось бы 80 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета, замечательному человеку, Учителю – Николаю Александровичу Савельеву (рис. 1).

Рис. 1. На раскопках стоянки Новый Ангарский Мост, 2006 г. Фото П. М. Михеевой

Fig. 1. At the Novyi Angarskii Most site excavation, 2006. Photo by P. M. Mikheeva

Николай Александрович стал для меня и многих из нас проводником в мир археологии и наставником. Он был профессионалом своего дела. Вернее, он был профессионалом во всем: преподавателем и наставником, закаленным полевиком (рис. 2), историографом, умеющим видеть науку в ее развитии, и исследователем, одинаково уверенно работавшим и с памятниками палеолита, и с комплексами раннего железного века, с каменным инвентарем и остатками построек. Но при всем разнообразии его научных интересов особая, неизменная любовь у него была одна – керамика. Эта профессиональная цельность и увлеченность наукой передавались ученикам, и благодаря ему из стен исторического факультета вышло большое количество специалистов в области истории первобытного мира, историографии и археологии.

Рис. 2. Н. А. Савельев на раскопках стоянки Казачка, 1984 (?) г. Фото Т. А. Абдулова (?)

Fig. 2. N. A. Saveliev at the Kazachka site excavation, 1984 (?). Photo by T. A. Abdulov (?)

Он относился к науке как к процессу длительному, требующему вдумчивости и отказа от поспешных выводов. Особое значение он придавал работе с первоисточником: полю, коллекции, стратиграфии, контексту – это для него это было основой археологического исследования. Это он и прививал своим ученикам.

Мне посчастливилось стать студенткой Николая Александровича в 2005 г. Уже на первом курсе он читал нам археологию. Первая лекция запомнилась, пожалуй, навсегда. Словно как в фильмах и книгах, в аудиторию вошел седовласый, с аккуратной бородой, высокий профессор в зеленоватом костюме и с большим кожаным портфелем. Старшекурсники нам тогда говорили, что Николай Александрович – родственник В. И. Ленина (что оказалось правдой), и это лишь усиливало ощущение встречи с фигурой из книг и фильмов. Но за этим образом всегда был живой, увлеченный и внимательный наставник. Он стал любимым преподавателем с первых лекций за ясную, спокойную манеру изложения, уважение к аудитории и умение говорить просто и увлекать миром древности.

До поступления в ИГУ археология для меня была чем-то про пирамиды, Древнюю Грецию и, возможно, динозавров. Специализироваться я тогда хотела на кафедре международных отношений – что-то связанное с геополитикой и обязательно Латинской Америкой. Еще при подаче документов в приемную комиссию я почти договорилась не ехать на археологическую практику и пройти ее в камеральных условиях. Поле, палатки и комары казались страшным сном. Однако после первого курса перед нами встал выбор: поехать на практику под руководством Германа Ивановича Медведева на Братское водохранилище или остаться в Иркутске и пройти практику под руководством Николая Александровича. Однокурсница уговорила меня выбрать второй вариант: не нужно было ни-

куда уезжать, а до места раскопок – всего 20–30 минут пешком от дома. Работы (спасательные раскопки) велись на местонахождении Новый Ангарский Мост в зоне строительства подъездных путей к третьему мосту через р. Ангару (ныне Академический), в районе бывшей деревни Титово. Николай Александрович вместе с Еленой Станиславовной Игумновой открыли для нас мир полевой археологии. Несмотря на своеобразный характер работ, нам выделяли отдельные пикеты с концентрацией материала, где учили правильной методике раскопок. Нас не гнали «на кубатуру», нас именно учили, как зачищать слой, рисовать планы, ставить нивелир, фотографировать и понимать, что именно нужно зафиксировать, что такое полевой отчет и как подготовить его еще в поле, как читать стратиграфию, различать культурные горизонты, работать с находками и не терять информацию на каждом этапе раскопок. «Девочки, смотрите – берете мастерок и копаете на себя, как курочка», – объяснял Ник Саныч. К тому времени мы между собой называли его именно так. Он читал нам лекции прямо на раскопе, с лопатой в руках, и угощал малиной с заброшенных огородов (см. рис. 1). Когда на раскоп заходили местные жители, еще не переселенные из зоны строительства, Николай Александрович всегда подробно объяснял, что и зачем мы здесь делаем. Как этнограф он расспрашивал их о жизни в Титово. Почти каждый день он баловал нас банкой вареной сгущенки. Из таких, на первый взгляд, мелочей и складывалась особая атмосфера раскопа – спокойная, доброжелательная и по-настоящему учебная, в которой археология становилась живым и понятным делом. Команда, которую он собрал, очень быстро стала для нас почти родной. Когда практика закончилась, уходить не хотелось – настолько теплой казалась эта жизнь. Дружба, родившаяся на месте современной дорожной развязки в микрорайоне Университетский, продолжается до сих пор.

Осенью раскопки продолжились, но уже на другом участке. Сроки и объемы были иными, команда расширилась, в город вернулись другие археологи. Но нам, девочкам-второкурсницам, все еще не вполне понимающим, где и что нужно делать, разрешили работать в поле. Мы зачищали, рисовали планы, занимались «камералкой» – нас учили работать по-настоящему. После завершения раскопок Николай Александрович пригласил нас в лабораторию помогать с обработкой материалов. С этого момента она стала почти вторым домом, где под внимательным и ненавязчивым руководством Николая Александровича и Елены Станиславовны мы учились доводить полевые наблюдения до научного результата и понимать, что археология не заканчивается на раскопе.

К лету после второго курса я все еще не очень хотела в «настоящее поле» с палатками и костром, но интерес уже появился. Сначала Николай Александрович посоветовал съездить на раскопки стоянки Саган-Заба 2 к Ольге Ивановне Горюновой, а затем – практически без перерыва – поехать с ним на местонахождение Бугульдейка 2. Оказалось, что жить в палатке не так страшно, на Байкале нет комаров, кормят в поле вкусно, а многослойные памятники – это особый мир. Николай Александрович мог часами рассказывать об археологии Прибайкалья, керамике, каменных орудиях, о том, как раскапывать многослойные объекты и отличать один слой от другого. Именно тогда, тем летом, для меня были заложены методическая база и основные навыки полевых исследований, сформировалось ощущение профессии и понимание того, как должен работать археолог. Николай Александрович умел организовать лагерь и работу так, чтобы можно было чув-

ствовать себя как дома – экспедиция была уютной и живой. Мне повезло работать и учиться в таких условиях – с уважением к работающим и студентам, с вниманием к деталям, с пониманием к возрастным потребностям, а Николай Александрович всегда чутко следил за нами, мягко направлял, поощрял и учил.

Раскопки Бугульдейки 2 полны самых приятных и теплых воспоминаний (рис. 3). Наверное, из множества экспедиций, из множества памятников, где удалось поработать, – это место, куда хочется вернуться. Однажды к концу обеденного перерыва нам, трем второкурсникам и одной третьекурснице (Наталье Соколовой, Полине Михеевой, Жанне Молоковой и мне), очень захотелось мороженого и просто прогуляться. До деревни по тропе вдоль Байкала было около 5–6 км, а до начала работы оставалось минут сорок, максимум час. Мы быстро «обнаружили», что у нас заканчиваются пакетированный чай и туалетная бумага, и отпросились в деревню, в магазин. Однако четырех девиц одних отпускать было нельзя, и Николай Александрович отправил с нами двоих парней – Алексея Тимощенко и Олега Толмачева. В итоге из отряда в десять человек в деревню ушло шестеро. После обеда Николай Александрович читал лекцию для детей из школьного лагеря В. В. Алтухова, который снимал ее, чтобы затем включить эти материалы в фильм о Бугульдейке. В нем есть момент, когда Николай Александрович заканчивает лекцию, а на заднем плане наша компания осторожно, почти через кусты, «крадется» на раскоп. Когда он вернулся, мы работали с таким видом, будто вовсе не опоздали. Детская наивность тогда позволяла нам думать, что нас не заметили и что начальство не увидело нашего опоздания. На самом деле все было иначе: Николай Александрович просто понимал, что иногда прогулка, мороженое и хорошее настроение важнее строгого распорядка, а довольные и отдохнувшие студенты лучше, чем обиженные и угрюмые. Именно в таких, на первый взгляд, мелочах проявлялось его доверие к студентам и умение видеть в них не только исполнителей, но будущих коллег. Это доверие ощущалось и в работе: по мере продвижения раскопок он все чаще привлекал нас к более ответственным участкам, обсуждал находки, спрашивал наше мнение. Поэтому предложение взять материалы Бугульдейки 2 для дипломной работы и пойти к нему на специализацию стало для меня важным и во многом определяющим моментом. Начиная с третьего курса у меня появился «свой» материал, и я впервые по-настоящему почувствовала, что значит быть исследователем. С этим пришло и другое, более важное ощущение – ответственность за коллекции, за памятник, за каждую интерпретацию и каждую строчку в работе. Николай Александрович всегда учил видеть не вещь саму по себе, а то, что за ней стоит. «Керамика не могла сама сюда прийти», – часто повторял он, напоминая, что за любой находкой стоит человек. Это стало для меня одним из важнейших профессиональных ориентиров.

Как научный руководитель Николай Александрович всегда искал для своих студентов лучшие возможности для профессионального роста: поощрял участие в Сибирской археологической полевой школе, РАЭСКах, помогал с организацией поездок и включал в исследовательские проекты. Вместо педагогической практики (которую, пришлось закрывать уже позже, после возвращения из поля) он, как сам говорил, «продал» нас с Алексеем Тимощенко на раскопки на р. Ангаре (рис. 4), на спасательные работы на местонахождении Усть-Ёдарма 2.

Рис. 3. Раскопки стоянки Бугульдейка 2, 2007–2008 гг.:

1 – консервация раскопа; 2 – разбор отложений 2-го слоя; 3 – посвящение в археологи;
4 – хозяйственные работы в лагере; 5 – разведка в окрестностях Бугульдейки.

Фото О. Л. Милотиной, Е. Н. Бочаровой

Fig. 3. Excavations at the Buguldeika 2 site, 2007–2008:

1 – conservation of the excavation site; 2 – analysis of the 2nd layer; 3 – initiation into archaeology; 4 – maintenance work in the camp; 5 – reconnaissance in the vicinity of Buguldeika.

Photo by O. L. Milyutina and E. N. Bocharova

Там, в непростых полевых условиях, он продолжал опекать нас и заботиться действительно по-отцовски: поселил рядом с собой, в небольшой отдельной комнатке, подкармливал конфетами, лечил, когда мы простужались. Эта забота сочеталась с требовательностью и доверием – он учил нас быть самостоятельными, но никогда не оставлял без поддержки, даже когда мы уже считались почти взрослыми исследователями. После окончания университета Николай Александрович предложил мне поступить в магистратуру Новосибирского государственного

университета – за эту идею я всегда буду ему благодарна. Именно здесь я нашла работу, о которой многие выпускники-археологи мечтают, а вместе с ней и возможность участвовать в исследовании ключевых памятников палеолита Сибири и Алтая. Николай Александрович не спрашивал, когда я вернусь обратно в Иркутск – он радовался тому, что его ученики нашли свое место в профессии. Хочется верить, что мне удалось в какой-то мере оправдать его надежды и стать хорошим ученым.

Рис. 4. Николай Александрович и Алексей Тимошенко по дороге на о. Сосновый (Северная Ангара), 2011 г. Фото Д. Лихачева

Fig. 4. Nikolai Aleksandrovich and Aleksei Timoshchenko on the way to Sosnovyi Island (Northern Angara), 2011. Photo by D. Likhachev

В каждый мой нечастый в последнее время визит в Иркутск, несмотря на болезнь, Николай Александрович находил время и силы встретиться, и всегда эти встречи были наполнены теплом и разговорами – о науке и о жизни. В экспедициях у костра, за чаем и работой в лаборатории, на веранде на даче в Больших Котах (рис. 5) – он оставался внимательным собеседником, способным всегда поддержать, подсказать или добро покритиковать. Он умел создавать атмосферу: работа не воспринималась как обязанность, все делалось легко и с душой. Мне очень повезло, что наши взаимоотношения от простого «студент – преподаватель» переросли в настоящее наставничество, в основе которого были теплое человеческое участие, забота и внимание друг к другу, профессиональная поддержка и уважительная оценка как коллеги.

Рис. 5. В гостях у Николая Александровича в пос. Большие Коты, 2011 г.
Фото Е. Н. Бочаровой

Fig. 5. Visiting Nikolai Alexandrovich in the village of Bolshie Koty, 2011.
Photo by E. N. Bocharova

После Николая Александровича остались не только результаты его многочисленных изысканий, но и исследовательская традиция, основы которой были заложены на лекциях, камеральной обработке материалов и раскопках. Заложенное в студенческие годы отношение к работе во многом определяет нас – его учеников, которые стали самостоятельными исследователями в разных направлениях археологической и исторической наук. Возьму на себя смелость поблагодарить Николая Александровича от лица его учеников за всю его доброту и знания, которые он год за годом вкладывал в нас; за его терпение, внимание и искреннее участие, без которых для многих из нас путь в археологию был бы иным или бы вовсе не осуществился. Память о Николае Александровиче живет не только в наших многочисленных воспоминаниях, но и в нашей повседневной деятельности: научных текстах, раскопках, лекциях, основанных на тех принципах и подходах, которым он нас учил и которые будут передаваться и дальше, новым поколениям ученых. Его юбилей – это повод еще раз вспомнить Николая Александровича и сказать спасибо за все, чему он нас научил.

Е. Н. Бочарова,
научный сотрудник Института археологии
и этнографии СО РАН